

Ольга Хомин-Журавлева

г. Анапа

Экзаменатор

– Да пошёл ты, придурок! – презрительно-раздражённо вопила Матюшкину кассир гипермаркета, швыряя в него сдачу мелкими монетами, отчего мужчине стало неловко и нестерпимо жалко невоспитанную даму, только что подписавшую себе... а он и не знал – что, из нескольких вариантов наказаний, последует вслед за её хамским поступком. А наказание происхо-

дило непременно и всегда.

Так и на этот раз. Вот, уже за спиной отборная брань резко сменилась визгливым воплем – Матюшкин обернулся – возле кассы лежала та самая хамка-кассир, неловко подвернув под себя сломанную руку, кость которой вылезла, порвав рукав униформы. Рядомзастыли от неожиданности посетители гипермаркета, оторопело перешёптываясь о том, как неудачно кассир вышла из-за кассы.

Матюшкин вздохнул – а ведь такого могло и не быть. Ну, попросил он дать сдачу несколько копеек, так что, сразу орать надо? Глупая женщина – она ведь так и не поймёт, за что её травма... Хорошо, что хоть легко отделалась – видимо не так сильно дала волюгневу. Бывало, что обидчики и за гораздо меньшее страдали гораздо сильнее, вплоть до...

История жизни Матюшкина началась очень грустно. Когда-то давно, его выкопал из снега путевой обходчик дед Филька – такое редко, но бывало, что из транзитных поездов, следующих почти без остановки, выпадали люди – чаще пьяницы или дебоширы, иногда – трупы. Но вот чтобы так, крошечных детей... это был единственный случай на памяти жителей района. В честь деда Фильки-спасителя и назвали младенца-счастливчика Филимоном Матюшкиным и определили в интернат.

С самого раннего детства Матюшкин заметил, что любое его общение с людьми имеет далеко идущие последствия. Плохие ли, хорошие, но непременно последствия. Если кто-либо обижал добродушного Матюшкина словами ли, действиями ли, с обидчиком неминуемо что-то случилось, причём, сразу же, прямо-таки незамедлительно, Матюшкин даже отвернуться или отойти не успевал. И наоборот – доброжелательное отношение к Матюшкину тут же вознаграждалось неожиданными подарками судьбы. Отчего однажды, Татьяна Ивановна – воспитательница школы-интерната, с испугом и в глубокой задумчивости, назвала его Экзаменатором. Так и сказала:

– Ты, Филимон, прямо экзаменатор наших поступков. Вот наблюдаю за тобой уже много лет и вижу, как ты становишься причиной или неприятностей, или блага для окружающих. Кто бы сказал – не поверила... Страшный ты человек, Матюшкин. Страшный.

– Я не виноват, Татьяна Ивановна, – вжал голову в плечи и без того сутулый мальчик, привыкший к постоянному прессингу судьбы.

– Да знаю, знаю. Оттого и жалко тебя. Тяжело тебе в жизни придётся... Постой-ка, а давай-ка, я тебя, на всякий случай к знахарке сведу? Может, поможет чем?

Это были советские времена. Совмещённый детский дом – школа-интернат, в котором со времён невероятного спасения жил Матюшкин, находился в маленьком сибирском городке, где знахарям доверяли больше, чем мифической медицине – до ближайшего фельдшера сто километров. А медсестричка, работающая в интернате, имела образование весьма скудное...

Знахарка жила на втором этаже восьми квартирному деревянному дому – такого ветхого, что казалось – тот вот-вот рухнет. Но дом каким-то чудом удерживался в почти вертикальном положении, давая кров нескольким семьям. Татьяна Ивановна завела Филимона в покосившуюся прихожую с фанерными стенами без обоев, кое-где исцарапанную когтями, видимо собаки, где их встретила сухонькая женщина неопределённого возраста.

– Проходите, люди добрые. Чего у вас? – Филимон неожиданно насупился, явственно ощутив, что что-то не так:

– Дяденька, а почему вы тётенька?

– Ты что? – от неожиданности Татьяна Ивановна не нашла больше слов. Знахарка, шедшая впереди, встала как вкопанная, и затем, повернув к мальчику каменное лицо, спросила предательски осипшим голосом:

– Откуда ты узнал, маленький паршивец? Кто сказал?

– Никто. Я знаю.

И тут, по лицу знахарки промелькнула тень, и она, видимо, чтобы что-то проверить, протянула руку и взяла в свои костлявые пальцы ладошку мальчика... Вздрогнула... И неожиданно заискивающе заглянула в его глаза... Затем в замешательстве отпрянула... бухнулась перед ним на колени:

– Мальчик, ты же не по мою душу пришёл? Ведь я же тебе ничего плохого не сделала? Филимон помотал головой, и знахарка со вздохом облегчения вытерла подолом юбки испарину со лба, открыв миру волосатые жилистые ноги.

– Ничего, да, ничего... – бормотала знахарка, поднимаясь с колен, – ведь я же хорошая. Никому плохого не делаю. Наоборот – лечу вот, исцеляю.... Это ведь мне зачтётся? – с последними словами умоляюще посмотрела на мальчика. Филимону стало грустно. Отчего-то он уже знал, как закончит своё земное существование это двуполое существо:

– Дяденька, конечно, зачтётся всё, вы же сами знаете. Вот только денежек меньше берите. Да и не берите вовсе. Люди ведь вам последнее несут. А ваш дар – не ваш.

– Да, да, конечно... Да я и сама как-то не хотела... и не брала раньше... продуктами только – жить-то как-то надо... Да вот, беспопутал. Да ремонт ведь надо делать...

– Не надо, дяденька.

– Ты думаешь?

– Знаю.

Знахарка застонала и снова схватила руку Фили:

– Сколько, сколько?

– Дяденька, помогайте людям – вы для этого здесь – знаете же. Пока помогаете – не уйдёте.

– Ага, ага... – теребила подол платья знахарка, сосредоточенно впитывая только что сказанное... – да, да, так и есть...

И тут подавала голос Татьяна Ивановна, до того молча наблюдавшая за странным диалогом, не поняв из него ни слова:

– Александра Никитична, – я тут про мальчика спросить хотела – что с ним? – Знахарка метнула на женщину испуганный взгляд:

– Так он... этот... ой, мамочки мои... Берегите его... а главное – не обижайте...

Татьяна Ивановна задумчиво посмотрела на Филимона, безучастно сидевшего на стуле и болтавшего ногами:

– Я знаю, о чём вы. Я называю его Экзаменатором.

Знахарка встрепенулась:

– Он, точно... и так можно сказать, – и зашептала на ухо воспитателю – он никогда случайно не приходит – раз пришёл – значит, либо пропал, либо... повезёт крупно...

Немного помолчав, Знахарка умоляюще простонала:

– Вы, может, уже пойдёте? – и с надеждой посмотрела на Татьяну Ивановну, – мальчик устал, небось... О, господи, что я говорю...

Филимон Матюшкин окончил художественное училище в Красноярске и, имея достаточно неплохой талант живописца, устроился реставратором в одном из музеев областного центра. Шли годы. Онтеперь жил в ветхом общежитии рабочей молодёжи и имел шикарные, в пять квадратов, апартаменты на одного, куда прекрасно поместилась железная кровать с панцирной сеткой, крошечный столик табурет, принесённые из художественной мастерской. В один дождливый вечер Филимон, сев на тот самый табурет, замер в ожидании чего-то, уставившись на дверь, в которую, не заставив себя ждать, постучали.

– Войдите, открыто – как-то даже устало произнёс Филимон, с грустью уже зная, что произойдёт в следующие минуты.

Вошли двое. Сухощавые, невысокие. Чёрные кожаные куртки – одеты, как и все в девяностые. Ничего не выражающие лица... Видно, что это не "братки", а люди с интеллектом, отчего Матюшкин вздохнул ещё грустнее.

– Филимон Матюшкин, – скорее не вопросительно, а утвердительно произнёс один из них, – пройдёт с нами.

– Не могу, – печально произнёс Филимон.

– Это почему? – опешил парень, совсем не ожидая подобного поворота?

– А вас сейчас убьют.

– Кто? – лицо парня вытянулось.

– А вот он, – Матюшкин кивнул на второго, отчего второй встрепенулся и потянул за рукав напарника:

– Не слушай его! Нам же приказали не слушать объект, не вступать с ним в полемику и рот ему заткнуть, чтобы ни слова не произнёс... – и выхватил из-за пазухи настоящий пистолет с глушителем...

В крошечной комнате было слишком тесно. Первый повернулся к спутнику, чтобы что-то сказать, но второй непроизвольно нажал на спусковой крючок и... через несколько секунд первый, с остекленевшими глазами неловко скрючившись, завалился между стеной и железной кроватью.

– Урод, ты что сделал?! – заорал на Филимона второй.

– Это не я, а вы.

– Сука, ты ж лейтенанта завалил!

– Не я, а вы...

– Чо, урод заладил, как попугай! Предупреждали же нас... Что ятеперь в "конторе" скажу?

– Ничего не скажете. Не волнуйтесь так. Если сейчас уйдёте, а ещё лучше – вообще сбежите, то вас "контора" не найдёт и ещё долго проживёте... Даже внуки будут... злые... Вас в богадельню потом сдадут. А если меня из общежития силой поведёте... Вас сейчас не станет. Извините...

– Заткнись, сука!!! – задохнувшись, прошипел незванный гость и с непонятной самому жестокостью начал избивать ни в чём не повинного реставратора, вложив в процесс избиения всю свою ненависть к своей поганой жизни, которая шла так коряво, что лейтенанта просто тошнило от собственного существования. Бил долго, изливая на Матюшкина злобу. Затем, скрутив за спиной окровавленного сипло дышащего реставратора руки, накинул на него старый серый плащ и начал выталкивать из общежития.

Центральный вход, через который входили бойцы "конторы" ещё двадцать минут назад, вдруг оказался перекрыт – неожиданно, начали подготовку к косметическому ремонту, которого ветхие, замызганные стены вестибюля уже слишком давно требовали. Лейтенант ругнулся, понимая, что теперь, чтобы добраться до машины, придётся тащить еле двигающегося реставратора через двор на улицу. Но он зря переживал, предвкушая тяжёлый переход. Едва лейтенант вышел на крыльцо и со злобной силой жажнул старинную тяжёлую дверь, как раздался скрежет, и мир для него померк. Экзаменатор, отлетев и упав вдоль стены дома, застонал, приподнялся на локтях и сквозь клубы пыли увидел рухнувший и расколовшийся массивный бетонный козырёк, ранее нависавший над входом в подъезд, из-под которого торчали ноги человека, только что зверски избившего его. Матюшкин еле поднялся и, держась за стенки домов, пошёл подальше от страшного места.

Очнулся Матюшкин в обшарпанном коридоре больницы. На всевопросы отвечал "не знаю" и старательно изображал амнезию, понимая, что если выдаст себя, то за ним снова придут бойцы из "конторы". А новых жертв по своей вине ему очень не хотелось.

Прошло время. Филимон Матюшкин, поскитавшись по больницам, а затем по психушкам, в нужное время "вспомнил своё имя". И получив паспорт на имя Николая Иванова, на время затаился в местном монастыре, расписывая своды реставрируемой часовни. Затем паломником прошёл через всю Россию-матушку, посещая храмовые комплексы монастырей – ведь давней его мечтой было посетить все старорусские музеи, и вот теперь мечта реставратора осуществилась.

Прошло почти лет тридцать с тех пор, как он покинул родные пенаты и долетевшие до него слухи поведали, что интернат, как и весь городок, выгорел после очередного заказного "лесного пожара", а на пепелище уже вырос роскошный особняк с закрытым обширным гольф-клубом. Что стало с персоналом интерната, и в частности с Татьяной Ивановной, заменившей ему мать, он даже не интересовался, давно всё зная и жалея добрую женщину, наконец-то обретшую покой...

Тяжёлое бремя ответственности за чужие поступки наложило на него отпечаток нелюдимости и замкнутости. Сам он жил аскетично в келье гостиницы при храмовом комплексе монастыря и старался руководствоваться девизом – меньше знаешь, лучше спишь. Женщин у него никогда не было, так как сам он боялся противоположного пола, как огня – они казались ему воплощением разврата и алчности. Дамы же в свою

очередь тоже абсолютно игнорировали высокого сухощавого, смешно сутулящегося реставратора, который, если и заговаривал с женщинами, то его лицо тут же вытягивалось в гримасе испуганного ступора. Экзаменатору было безумно жалко людей. Одно время, он даже решил полностью уйти в монастырь в глухой провинции. Но Игумен, к которому он обратился, внимательно выслушав Филимона-Николая, изрёк:

– Сын мой, на тебе великая ответственность. Нельзя запирать твой дар в келье. Ибо, что дано во благо Всевышним, то и не нам судить – зачем и по какой причине.

– Меня прозвали Экзаменатором! А может, нет никакого дара, и меня просто бесы одолели? – чуть не плакал реставратор.

– Может быть, сын мой, может быть! Но ты говоришь, что сделавшие хорошее – получают награду?

– Да, вот только что дежурный на автовокзале подсказал, как дойти до вашего монастыря, ему тут же позвонили и сказали, что жена вышла из комы.

– Вот видишь, сын мой. Ты и в правду – Экзаменатор. Твоими руками Господь творит чудеса. А чтобы бесы не одолевали, ходи чаще в храм. Но от людей не отдаляйся. Ибо нужен ты в миру, коли дар у тебя такой.

Надо ли говорить, что через день во всей прессе смаковали удивительное событие – некто, старый эмигрант из Бразилии, отойдя в мир иной, пожертвовал тому самому храму энную сумму на реставрацию и расширение храмового комплекса, землю под которые неведомый миллиардер тоже подарил.

Мысленно порадовавшись за Игумена, Экзаменатор уткнулся в ветхую дощечку – икону XIII века, старательно, точечными мазками, восстанавливая почти утраченную поверхность...

А Игумен потом часто повторял странные слова: "Аккуратно и бережно относитесь к людям, ведь вы абсолютно не знаете, когда свами заговорит Экзаменатор".